

ВЕРНОСТЬ

Летнее солнце набирало силу. Небо голубело. Шли те последние минуты, когда ещё не день, но уже и не ночь.

Из лесной избушки вышел Игнат Малинин. Старик тихий, волевой, но несчастная его доля: долгие годы прожил он здесь одиноко и теперь доживает свой век как отшельник.

Вот он вышел на тропинку, поднялся по ней на железнодорожную насыпь. Огляделся вокруг. Приосанился. Ткнул бадожком в камешек и пошагал по бровке в Крутой Лог, к жене на могилку, полить цветы.

Идет и сам у себя спрашивает:

– Вот помру... Кто меня рядом с моей Настенькой похоронит? Некому...

В Крутом Логу работали путейцы.

Когда Игнат услышал от них про новую железнодорожную насыпь, не поверил своим глуховатым ушам, посчитал, что сооружать будут где-то в другом месте, не на главной сибирской магистрали. Переспросил. Те ответили:

– Надо же кривую выправлять.

– Какую кривую?

– Одна на участке кривая. Вот здесь, в Крутом Логу!

– В Крутом?! – ужаснулся старик. А когда уяснил, что новая насыпь ляжет на могильный холмик, под которым покоится его жена, сердито вскрикнул:

– Не бывать тому! Чтоб по моей Настеньке поезда ходили? Не бывать! Согласия не дам!..

– Не горячись, дедуся. Пойми: мы твою Настеньку не меньше, чем ты, жалеем, – сочувствовали рабочие. – Да что поделаешь! Поездам прямая дорога нужна.

Сердитый и взволнованный пошёл он в тот день в Крутой Лог, где на сосогоре, шагах в тридцати от откоса железнодорожной насыпи спит вечным сном его Настенька.

Вся поляна вокруг холмика полыхала разноцветьем. Светлосиние, голубые, красные, как кровь, цветы, окропленные обильной росой, в тот ранний час дня, казалось, плакали. Воздух был напоён их

медовым ароматом. Он смешивался с духмяным запахом тайги. Старик глубоко вздохнул и невольно прослезился. Ему ещё сильнее стало жаль Настеньку. Он ткнул бадожком в свою сгорбленную тень, встал к изголовью холмика, снял фуражку и низко поклонился. Думы его поплыли в прошлое.

...1918 год. Жаркое бабье лето. Небо от зноя пустое, бездонное. Лишь на закате вспорхнет иногда бабочкой одинокое белое облачко. Тихо и мирно жил посёлок Таёжный. Он неприметно затерялся в лесной глуши, далеко от крупной железнодорожной станции. Может, потому и не появлялись здесь колчаковцы.

Игнат Малинин и его жена Настенька работали на путях. Игнат высокий, в его мускулистых руках, как и во всей статно сколоченной фигуре, чувствуется крепкая двадцативосьмилетняя сила. Настя – головы на две ниже мужа, слабее, но красавица. Глаза яркие, синие. Словно вся синь неба вместились в них.

До замужества Настя носила тугую, в путейский молот, а, может быть, чуть толще, русую косу, лицо у неё было чистое, румяное, кровь с молоком. Игнат влюбился в неё мальчишкой, в школьные годы. Как увидел её и не мог глаз отвести.

Сначала даже не поверил, что и она влюбилась в него. А когда посватался... Словно в другую жизнь... душа расцвела!

Свадьба была... Неделю веселился весь посёлок!

В этот день они выправляли пучины. Игнат поднимал ломом шпалы, а Настя подсыпала под них свежий гравий. Работа спорилась.

– Не устала? – то и дело спрашивал Игнат у жены. Рабочая одежда на размер меньше туго стягивала её высокую полную грудь. Настя расстегнула все пуговицы.

– Тяжело мне. Сам знаешь, скоро рожу...

Игнат одним взмахом загнал костыль в шпалу и отбросил тяжёлый молот на обочину колеи.

– Я вот, Настенька, потом обливаюсь, а сам всё думаю: зачем я так стараюсь? Для кого? Чтоб по исправной дороге колчаковцы разъезжали?

Он сел на край насыпи, свесил ноги с обрыва. Настя порывисто обняла мужа за плечи, припала губами к его губам, жарко, испуганно зашептала:

– И, правда... что иностранцам в Сибири надо? – Она пригладила его взъерошенные волосы, и Игнат, весь встрепенувшись от женской

ласки, приподнялся на локте, стараясь заглянуть в глубину прищуренных глаз жены, сказал взволнованно:

– А кто ж их знает...

Настя спустилась с насыпи под откос, за которым мелким кустарником начиналась тайга. За перелеском, у старой ели – родник. Настя вышла на тропинку и улыбнулась мужу:

– Попью схожу...

Игнат проводил её долгим прищуром, подумал: «Устала ведь, а резвится. Другая бы на её месте рта не раскрыла.»

Он смотрит на край тёмно-зелёной тайги и говорит сам себе:

– Смелая Настя. Зверя не боится. В глазах его воспоминаний огонек.

Откуда он взялся? Всю весну плутал по тайге, косолапого промышлял. В глаза не видел. И вот он! Рослый, бурый, словно бык годовалый.

Метров двадцать разделяло их. Поднялся медведь на насыпь, на задние лапы встал, передние вперёд вытянул, будто людей обнять захотел, прямо по шпалам двинулся к путевым рабочим.

– Иди, иди, – говорит косолапому Настя. – Я вот тебя ломом угощу! Настин отец был знатный медвежатник в Сибири, и ей не раз приходилось с отцом бывать в тайге и видеть, как он убивает косолапого.

Медведь уже рядом. Он дышит шумно, с храпом, на лопатке его передней лапы сочится кровь. Видно, кто-то ранил зверя, и теперь он был бесстрашен и зол.

Игнат изо всех сил взмахнул молотом. Целил в лоб, да промахнулся, только челюсть хрустнула. Второй взмах сделать не успел, было уже поздно. Медведь надел на него, свалил, прижал лапами между шпал, крепко, до боли придавил, а зубами рельс грызёт. «Конец», – подумал Игнат и омертвел от тяжести и боли. Когда пришел в себя, слышит, обмяк зверь, кровью хлюпает, храпит.

– Ну, чего нежишься под мохнатым? – спрашивает Настя. – Знаю, не повредил он тебя. Я ему...

– Ага! – выдохнул Игнат. – Ребра, наверное, поломал!

Встал Игнат, слёзы из глаз градом от радости, и как сумасшедший, выпучил глаза на медведя. Тот юлит головой, а шею повернуть не может, не сгибается. Стальной лом в ярости проглотил.

– Настенька! Спасительница ты моя! – вдруг как бросится он к жене с объятием, расцеловал всю. – Ты меня с тог света на этот верну-

ла. Случись с тобой такая беда, я там, где ты умрёшь, рядом всю жизнь жить буду!

Три года минуло с того дня, а Игнат этой клятвы не забудет никогда!

Теплый ласковый ветерок порхнул в вершины елей, загулял по разлапистым веткам, пригладил щетину хвои, прокатился па кустарнику, что-то вдруг прошептал в листве – таинственно, неуловимо, будто невзначай обронил слова-бисеринки. Игнат наскучавшим взглядом оглянулся на тропинку, туда, откуда должна была вынырнуть Настя, затревожился:

– Что-то долго её нет. Может, снова с косолапым повстречалась?

Он докурил самокрутку, встал, затоптал огарок в гравий между камешков. Только хотел ступить с насыпи, поднял ногу да так и замер неподвижно...

Из тайги вышла группа солдат, в серых френчах с накладными карманами, вооружены. Игнат догадался: колчаковцы. Продолжал стоять на месте.

– Скажи-ка, молодой человек, далеко ли станция? – голос басовитый, русский.

– А вы откуда идете? – поинтересовался путевой рабочий.

– Тебе это зачем знать? – грубо сказал сухощавый солдат. Заблудились мы!

Игнат пристальным взглядом окинул солдат, указал им дорогу на станцию, потом громко крикнул:

– Настя!

Но вместо ответа, из тайги вышли ещё два дородных солдата. Задорно похохатывая, они быстро поднялись на насыпь. «Белочехи», – определил Игнат, услышав, как они залопотали на своём языке. И оба дружно засмеялись. Этот смех не мог не насторожить Игната, и он снова окликнул жену:

– Настя! – На висках у него вздулись от крови вены.

– Настя?.. Красивая девушка?.. Она вон там, там... Иди к ней...

Коренастый солдат сказал таким ласковым тоном, что Игнат невольно подумал: «Чего это я испугался их? Люди ведь, не звери!» И пошел по тропинке, что скрывалась в кустах черемушника, углубляясь в тайгу. Густая хвоя плотно заслоняла небо и под деревьями было сумрачно, будто вечер наступил. Лишь вдали, словно живое серебро, сверкает, перекатываясь через валёжину, ручеёк. За изгибом его Игнат

сделал крутой поворот, ускорил шаг, как бы пытаясь убежать от солдат, но ноги его вдруг подкосились. Он увидел Настю. Она корчилась на узловатых корнях ели, поджимая колени к животу. Стонала. Её обнажённое тело было в ссадинах и кровавых ранах.

– Настенька!.. Они били тебя, били?.. За что?..

Игнат склонился над женой и не знал, что ему делать теперь.

Настя приподняла голову, широко раскрыла и...сузила глаза, словно улыбнулась мужу. Лицо ее было чужим, неподвижным, на искусанных губах сочилась кровь. Игнат поцеловал их и с трудом проглотил застрявший в горле комок, почувствовал, как Настя судорожно дёрнулась на его руках.

– Они убили тебя, убили!... Настенька!.. – зарыдал он.

Внутри у Насти что-то трепенулось и затихло.

...Вечером в Крутой Лог пришёл бригадир. Он сообщил Игнату, что на станции колчаковцы вербуют железнодорожников в свой карательный отряд. Комсомольцев, которые упорно отказываются, расстреливают. И строго добавил:

– Ты, Игнат, в посёлок не ходи, сиди тут. Время настанет наше – сообщу! Отомстим за Настеньку.

Игнату хотелось похоронить жену, как положено, на кладбище в посёлке, помянуть её добрую душу всем миром, но где там! В посёлок не сунешься. Трое суток он с покойной Настенькой прятался у родника, где было прохладнее. Обмыл её тело студёной водой, натянул на него цветастое платье, которое прошлой ночью принес из сторожки. Сидел возле жены, слушал тревожную тишину. И вдруг за спиной, где-то рядом, треснул сучок. Игнат вздрогнул, прижал руки к груди, словно хотел заглушить стук, внезапно забившегося сердца. Напряг глаза, но никого – не увидел. Предутренняя синева со всех сторон подступала к роднику. И Игнат решил, что ему чудится. Еще в детстве слышал он, что мертвые ночью оживают. Сейчас хотелось верить в это. Если б его Настенька ожила! Хоть на миг... На один-единственный...

Не успел Игнат успокоиться, как снова послышался треск сухого хвороста. И показалось ему, что идут белочехи. Они разыскивают железнодорожного рабочего. Сейчас они будут здесь, схватят Игната, будут агитировать в карательный отряд, потом бить и... расстреляют. Единственное спасение: укрыться мхом, притаиться рядом с Настей. Игнат крепко обнял жену. Рядом с ней ему вдруг показался весь мир безрадостным. Умереть! Только бы спокойно, без мук умереть! Вот уж

солдат склонился над ним, Игнатом, дышит прямо в лицо, и он... не вытерпел, не своим голосом закричал:

– Стреляйте! Стреляйте!!...

Вскочил на ноги: прямо перед ним стоял небольшой бурый медвежонок.

Зверь не выдержал оторопевшего человеческого взгляда, испугался, пятясь назад, скрылся за деревьями.

И понял Игнат, что настало время прощаться с Настенькой, коль уже запах учуял зверь. Когда рассвело, Игнат вынес покойницу к железнодорожной линии на руках, бережно, как сонного ребёнка. Вот поляна. Здесь всегда много цветов и берёзка посередине. Хорошо под ней будет Настеньке!..

...Идут годы. Многие старожилы уже смутно помнят те тревожные времена. А память Игната свежа. Перед глазами стоит Настенька: молодая, красивая, та, которую он любил и все эти годы не мог забыть. Вновь жениться не захотел. Так и жил одиноко. Выстроил избу в Крутом Логу на косогоре. Войдёшь в неё, и не сразу догадаешься, что когда-то у Игната была семья: одна единственная фотография Настеньки под стеклом в золоченой рамке в переднем углу!

Теперь изба до окон в землю погрузилась, тесовая крыша мхом поросла. А старый тополь у крыльца отрухлявил корни. Рухни он, и несдобровать в избе старику. А в новый дом переселяться Игнат не желает. Говорит:

– В посёлок меня Настенька не отпускает.

С тех пор как Игнат вышел на пенсию, стал днями пропадать у холмика. Летом цветы высаживал на нём, зимой оберегал от снежных заносов. Видели старика и поздно вечером, и рано утром. Придёт, сядет у изголовья и долго смотрит в землю, будто видит в её глубине живую Настю.

И он никак не мог примириться с тем, что новая насыпь ляжет на грудь жены. А рабочие, которые и сами ещё толком не знали, где будет сооружаться насыпь, успокаивали старика:

– Годы прошли. Теперь ничего не поделаешь... Ты уж, Игнат, не убивайся. Другого выхода нет.

– Есть? – как-то оживился старик. – Насыпь можно провести краем тайги, мимо Настеньки!

– Краем? Да там же родник!

-И то верно, – осёкся старик. – Родник, как и человек, любит простор, свободу. Разрушит насыпь!

Теперь он был убежден, что не долго осталось жить холмику.

Глубокой осенью приехали в Крутой Лог строительные инженеры. И хотя цветы на холмике поникли головой, они сразу заметили его. Старик, конечно, был там. Он поведал им о трагической судьбе своей Настеньки.

Инженеры долго осматривали насыпь, что-то измеряли вокруг. Потом один из них сказал:

– Насыпь поведём краем тайги, мимо могильного холмика.

– Там родник! – пояснил Игнат .

– Через родник построим мост. А Настю твою... Здесь должен стоять памятник! Пусть не ваши стариковские слова рассказывают людям о тех, кто ценой своей жизни делал историю Сибири, а камни, гранит!

– Не надо камня, не надо гранита. Ничего не надо... Только Настеньку мою не тревожьте... – всхлипнул от радости старик.

Солнце догорало над тайгой. Желтая трава пламенела на поляне. Он прищурился, потыкал бадожком в свою сгорбленную тень, снял шапку и низко поклонился незнакомым людям...

